

А.С.Собенников

ВРЕМЯ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ В.М.КОСТИНА «ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА»

Рассматриваются формы художественного времени. Биография человека становится художественным приемом и философией — человек в потоке времени. В художественном мире главный топос — сибирский провинциальный город, основной хронотоп — хронотоп встречи. Город, сибирские реалии, детали быта даны в аспекте бытового и экзистенциального времени. Но в центре всегда историческое время. Писателя интересует способность или неспособность человека противостоять своему времени; он отстаивает идею самостоянья человека и величие стоицизма.

Ключевые слова: формы времени, историческое время, современность, личность, самостоянья

Сборник повестей и рассказов томского писателя В.М.Костина «Годовые кольца» в 2008 г. попал в шорт-лист авторитетной премии «Большая книга», где занял второе место по результатам читательского голосования. Однако в отличие от А.Слаповского, Е.Водолазкина, А.Иванова, Р.Сенчина Владимир Костин широкому читателю неизвестен. По большому счету неизвестен литературоведам и литературным критикам. Причины: удаленность от центра, региональность, небольшие тиражи, нераскрученность в медийном пространстве¹.

Костин — филолог, преподавал в ТГУ, работал на одном из томских телевизионных каналов. «Так сложилось, что я был обречен на поздний старт, и поэтому, оглядываясь, благодарно понимаю, что филология дала мне необходимые знания и установки, а журналистика — достаточный и во многом уникальный жизненный опыт» — признавался писатель в разговоре с Игорем Паниным [1].

Его первая книга «Небо голубое, сложенное вдвое» вышла в Томске еще в 1997 г. В аннотации было сказано, что «она представляет собой цикл рассказов и маленьких повестей, объединенных внутренним сюжетом поиска человеком жизни и себя в ней». В терминах экзистенциальной психологии автора интересовал экзистенциальный выбор, личная экзистенция человека. В повести «Ноктюрн горбатой улицы» в главе «Утоли мои печали» автобиографический герой Костылин и его друг Жилин (привет Л.Н.Толстому) встречаются со сторожем Николаем: «Они начали беседовать об утешительной безнадежности. Что наша жизнь, утешались они, заблудились мы в красных знаменах, двадцать три года — и ничего не сделано для вечности. Что наши старшие?? Они пьют, потом боятся алкоголя и снова пьют, чтоб не бояться. Что наша жизнь? Мы не живем, мы исполняем жизнь. Наши биографии — это наши?» [2]. В повести «Музонька» будет сказано: «Я взглянул окрест себя — душа моя уязвлена стала. Ее пронзила мысль о том, что на свилке наших перетекающих веков люди потеряли биографию, как некогда потерял свою тень Петер Шлемиль, герой литературы» [3].

Биография человека становится художественным приемом и философией — человек в «потоке времени». Писателя интересует способность или неспособность человека противостоять времени, оставаться собой или изменяться в угоду историческим обстоятельствам. Уже в первой книге время становится структурным принципом: в конце каждой главы в скобках указывалось время действия тремя цифрами (197...), (191...), (194...), (184..., 187...) и т.д. Но еще И.Кант говорил, что «время не есть нечто такое, что существовало бы само по себе или было бы присуще вещам как объективное определение <...> Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства» [4]. Под влиянием Канта М.М.Бахтин вводит понятие хронотопа; если время не существует само по себе, то оно является «четвертым измерением пространства» [5].

Сибирский провинциальный город, хронотоп встречи — постоянны в художественном мире Костина. Его родной город Томск угадывается в г. Ермаковске («Бюст»), Потомске («Колокол и болото»), его реальные обитатели становятся прототипами персонажей. Томские топонимы постоянны в цикле повестей: Университет, Университетская роща, Каштак, ул. Лебедева, предместье Степановка, Дом офицеров. Но традиционная для русских писателей оппозиция Столица / Провинция Костину не интересна, он осознает, что в информационную эпоху одни и те же проблемы встают перед жителем столицы и перед жителем сибирского провинциального города. «Мы живем в самоуверенном и беспамятном, отрицающем всякую иерархию ценностей мире. А высокое Слово — оно обесценено жуткой практикой и демагогией XX века. А информационный вал накатился на человека, и человек оглох, огрубел, усреднился, обмелел», — говорит он [1].

Не интересна Костину и проблематика знаменитых писателей-сибиряков В.М.Шукшина, В.П.Астафьева, В.Г.Распутина: сибирский характер, особая миссия Сибири — хранительницы общерусских традиций, нравственность жителей сибирской деревни и т.д. Томск, сибирские реалии, детали быта даны у него в аспекте бытового и экзистенциального времени. Свою главную задачу писатель видит в том, чтобы напомнить читателю о времени, «передать культурную эстафету» с помощью «высокого Слова». В этом смысле он продолжает гуманистическую традицию русской литературы.

¹ Не попал он и в академические сборники: «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск: СФУ, 2010. 237 с.; Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XX—XXI веков. М.: Флинта, 2015. 384 с.

Название цикла «Годовые кольца» символично: в нем и отсылка к Мировому Древу, и образ времени. Современный философ заметил: «Бытие и время представляют собой нечто тождественное — это то, что не вызывает сомнений от Аристотеля до Гегеля. Круг — наиболее удачная фигура для объяснения этого тождества. Время часто изображается в виде круга» [6]. Естественно, в его произведениях мы найдем все формы художественного времени: природное, историческое, бытовое, экзистенциальное, линейное, циклическое и т.д. Но в центре всегда будет историческое время, и оно будет отличаться от исторического времени в исторических романах. Там в центре находятся исторические лица и события, у Костина — жизнь обычного человека, который родился в тот или иной период нашей истории. Историческое время дано пунктиром, оно осознается автором, но не осознается героем; герой находится в стихиях бытового и экзистенциального времени.

Что имеется в виду? Вот первая повесть цикла «Бюст». Автор совмещает несколько исторических временных линий: жизнь русских в Харбине, приход в Харбин советских войск, 90-е г. XX в. И.И.Плеханова так охарактеризовала постперестроечное время: «Это было время перехода от надежд к разочарованию, от иллюзий к отчаянию — и время утраты литературой ее традиционного влияния на общественное сознание. Время распада, очередного исторического переворота — и время очередного разобщения духовных сил нации» [7]. Любой исторический переворот выдвигает в центр героя времени, аллюзии с романом М.Ю.Лермонтова в повести очевидны. Игорь Петрович Сосницын — олигарх местного масштаба, владелец газеты, депутат. Его биография дана пунктиром: отец — Петр Сосницын — учился в гимназии в Харбине, после национализации китайцами КВЖД уехал в СССР, попал в целинный совхоз, там женился на матери нашего героя. Отец не выдержал семейных сцен, советского быта и ушел из семьи. Мать героя живет одна в другом государстве — Узбекистане. У героя есть сын Петька.

Костин сопоставляет времена и нравы, но все оценки даны в кругозоре героя. Дед Сосницына был сотрудником КВЖД, его сын Петр учился в гимназии. Он занимался боксом, в его гимназическом прошлом ценили такие понятия, как честь, мужество, верность. В Советском Союзе были: «Жуткая отдельность дел от слов, слов от дел. Завистливость, во всем видеть плохое и шкурное — и мелочность, мелочность во всем. Кругом жили люди без позиции. Им не нужна была позиция. И, Боже мой, какая нищета и грязь кругом, везде, такую нищету можно было только придумать, неестественная, нарочная, навязанная!» [3, с. 113].

В этом описании советские реалии даны в кругозоре героя, приехавшего «оттуда», из другого времени. На чужой земле сотрудники КВЖД, белоэмигранты сохранили не только быт, но и дух Серебряного Века русской культуры. В харбинском времени есть криминальный сюжет: питомцы гимназии им. Ф.М.Достоевского охотятся за маньяком, убивающим женщин. И они ночью проследили за китайцем-сапожником, думая, что это он маньяк. Правда, сапожник Ты Фан Сян окажется контрабандистом, а не убийцей. Мальчики родились уже в Китае, но через семейный быт им передаются ценности родителей. И отец олигарха Сосницына, Пьеро, был предводителем этой компании. Подобно их русским предкам — российским интеллигентам — русские мальчики ненавидят японского городского Кането, торговавшего наркотическими сигаретами. Они приветствуют Советскую армию, освободившую Харбин от японцев. Лучшие люди Харбина устраивают банкет в честь освободителей, но после банкета, на выходе их всех сажают в машины НКВД. И Пётр Сосницын на Родине оказывается чуждым элементом.

В повести Костина очень важен мотив «отец-сын». Сосницын-олигарх ненавидит отца, от которого остался «привет» — ванна с холодной водой как элемент закалки. М.В.Кульгавчук заметила: «В предпринимателе Игоре Сосницыне есть то, что было в отце, и то, чем наградила его эпоха; тоска, усталость от *процесса существования*» [8]. Игорь Сосницын — победитель, у него хорошая «физика». Он не привык проигрывать. И на отдыхе в Керчи он ввязывается в соревнование с «щирым украинцем», предчувствуя, что наградой победителю будет красивая девушка-молдаванка. И герой добивается своего: «Пришел, увидел, победил. Таков Сосницын. Он был восхищен тем, как восхищалась им, его напором, его *молодостью* Маргарита» [3, с. 100]. А потом мужчины на спор станут переплывать бухту и... утонут.

У его отца тоже был поединок — бокс с советским майором, которого не любили сослуживцы. И Петр Сосницын провел апперкот, отправил того в нокаут. Но там речь шла о смертельном выборе: «А вот я тебя арестую и засажу, буржуенок, — прохрипел майор, — как японского шпиона. Бокс» [3, с. 110]. Безусловно, два поединка и два *победителя* соотносятся в сюжете. «Усталость» отца — от «чужого времени», которому не нужны честь и благородство; «усталость» сына — от своего времени. И победил он «жиголо», и в качестве награды получил «гастрольную девушку».

Героям-победителям ставят памятники, и Сосницын заказал свой бюст еще при жизни. После его гибели жена пыталась увековечить память мужа ценой многих миллионов, но безуспешно. «Увековечивание памяти мужа обошлось Ларисе Георгиевне очень дорого, почти разорило ее. И сам бизнес вдруг подвергся атакам со всех сторон, в том числе и теми, кто клялся Сосницыну в догробной верности. Выходит, они имели в виду его гроб» [3, с. 117] А бюст сын Сосницына выбросил в реку. И этот жест символичен — вечный сын не станет продолжателем дела отца.

В центре второй повести цикла «Рожок и платочек» оказывается старуха Агафья. По мере разворачивания сюжета читатель узнает, что в 1918 г. в Екатеринбурге выпускница Смольного института подберет документы умершей от тифа женщины, и проживет чужую жизнь: станет работать на заводе, выйдет замуж за рабочего, члена партии. В соседях у нее будет «героическая родня» — семья сестры убийцы царской семьи. Целое

повести состоит из голосов персонажей: Агафьи, соседа, студента Володи, милиционера, почтальона Нади, составителя. Как-то соседи попросили Агафью, как рабочего человека, примус починить: «Дома у них царила полная неприглядность. Все перевернуто, кувыркком, постели не прибраны, посуда грязная, на полу газеты, чулки, табашный пепел, ранетки рассыпались. И зачем-то поперек горницы — доска», — замечает старуха [3, с. 144]. Бытовое неустройство — следствие «разрухи в головах», М.Булгаков отзовется и такой деталью: муж героини читал советские газеты, а Агафья выбрасывала их, не читая.

Почтальонка Надя жалуется старухе на жизнь, на непутевого мужа. «Шире, шире оно все, — сказала Агафья, — я же говорю: именно по-человечьи с ними нельзя. Сколько живу на свете, все они одинаковые, что довоенного помета, что послевоенного. Смотри, во что они жизнь превратили — проматерили, пропили ее, болтуны, бездельники, трусы. Жить тошно. Мужчины в этой стране перевелись, милая моя, давным-давно» [3, с. 164]. Агафья хранит платочек расстрелянного царевича Алексея, и он становится символом верности своему «Я», как и рожок расстрелянного Поэта. Его прототип — Николай Клюев — находился в ссылке в Томске, в 1937 г. был казнен.

Биография Агафьи — пример самостоятельной личности в тоталитарную эпоху. Агафья — носитель Культуры (рожок и платочек — символы преемственности), и эти гены она передала своей внучке Лялке, рядом с ней взрастет студент-филолог Володя (автобиографический персонаж). Художественный гнозис Костина близок М.Мамардашвили, который, вслед за Вл.Соловьевым, писал: «Культура — не для того, чтобы был рай, мысленный или реальный, рай прекрасных мыслей; от культуры не надо этого ждать, культура — для того, чтобы нас не резали и не убивали, чтобы не было ада, и больше ничего» [9, с. 277].

В повести «Что упало, то пропало» речь пойдет о псевдокультуре, ее элементы писатель видит повсюду: в жизни и быте как «шегарских», деревенских, недавно перебравшихся в город, так и университетских преподавателей. В этой повести пустяковый случай (называется, приятели пошутили) приводит к катастрофе: рушится вся жизнь человека. Герой обнаруживает, что все, чем он гордился — семья, работа, круг друзей «Смородина» — все это фикция. Экзистенциальное одиночество настигает его внезапно и, парадоксально, сближает с обидчиком, таксистом Казаковым, который тоже одинок, только не осознает этого. Эпиграф из Симонида «Трудно быть благородным» подсказывает читателю, что есть псевдоценности, рожденные временем, и есть вечные ценности. Время изменило университетских друзей ихтиолога Крылова, но не его самого.

Таким же примером самостоятельной становится дочь второго секретаря обкома Вера Огарева из повести «Музонька». Имя и фамилия героини, естественно, не случайны. Партийные родители, давая имя дочери, имели в виду целую плеяду революционерок — Веру Фигнер, Веру Засулич. Но автор помнит, конечно, о трех мученицах, о поэте Николае Огареве, о клятве на Воробьевых горах. В дочери второго секретаря обкома обнаружилось неудобное обстоятельство — обостренное чувство справедливости. В основе сюжета — биография героини, у которой было три мужа, конфликт на кафедре, где она работала после окончания университета, работа в детдоме. И она не принимала двоемыслия, характерного для советской эпохи. Шло время, но героиня оставалась красавицей, менялись времена, но она была «простая, простая, только необыкновенно простая, вот в чем дело» — говорит повествователь, увидев у нее роман Флобера «Простая душа». В конце концов она заболела, психиатр поставил диагноз: ШЗ. «Мы качали своими седыми и плешивыми головами: нас, сирых, век гнул и плющил, да выплевывал, а Музоньку подстерег, рассчитался с ней. Мы понимали — это век. А ее герои — герои нашего времени» [3, с. 305]. Но в ушах повествователя звучит голос: «Не унывай, говорит мне Музонька, если мы сдадимся, наша улица оглохнет. Нельзя!» [3, с. 306].

В повести «Годовое кольцо» пять глав, в которых чередуется годовой цикл: первая глава «Еще вижу, еще слышу» поздний август, вторая глава «Гладиолусы, люк, зеленый лед» — поздняя осень, третья глава «За четыре бедняцких обота» — середина января, четвертая глава «Весна, выставляется первая рама» — весна, и пятая глава «Ода степной писанице» — хакасская степь в июне. «Я»-повествование — основа смысловой целостности текста. В образе повествователя угадывается традиционный для русской литературы тип интеллигента, живущего «не по лжи», для которого проблема смысла жизни всегда личная, требующая решения «здесь» и «сейчас».

Встречи и разговоры со случайными попутчиками в трамвае, бытовые сценки, воспоминания воссоздают образы исторического времени. Разговоры в трамвае обязательно заканчиваются темой обмана: «Мы все подряд — обманутые и оскорбленные люди. Нас дураят, кидают, обворовывают, позорят государство, сослуживцы, соседи и родные нам люди. За долгие трамвайные годы я понял не одно только то, что нетронутых обманом и обидой людей у нас не осталось» [3, с. 333]. И рассказчик вспоминает, как деревенские благообразные старички обманули голодных студентов, подрядившихся расколоть машину дров. Накормили их одной картошкой, припрятав сало и обещанные деньги. Так в жизни происходило «слияние города с деревней», о котором говорил в лекциях далекий от жизни доцент университета.

Особого внимания заслуживает тема смерти. В четвертой главе рассказчик случайно оказался на похоронах. Оказывается, хоронили когда-то непревзойденного в Сибири стайера. «Вообще, он был чудак чудачком: в еде, в одежде, в домашней жизни. Зато вежлив, радушен необыкновенно и по бабам не бегал, найдя себе в пару неуклюжую чудачку из клуба» [3, с. 358]. Викентий был преподавателем физкультуры в университете, но в 1968 г. не согласился с вводом советских войск в Чехословакию, и его «выперли» из партии и из университета. Покойник выходил вороненка, и друзья видели не раз, как Каркуша «планирует с тополя» и

садится ему на плечо. «Житие какое-то», — подумал рассказчик. Но в структуре цикла — это еще один житейский пример внутренней свободы, самостоянья личности времени вопреки.

Последняя глава «Ода степной писанице» носит итоговый характер, в ней тема смерти и времени переходит в философский дискурс. Древний могильник в хакасской степи — это тоже хронотоп встречи. И внутреннему взору современного человека открывается простая истина: «Да, дорогой мой, да: не косность, не малость побед над природой заставляли их сотню поколений держаться одной одежды и утвари, одних примет и обрядов, как бы ни менялся мир вокруг. Они не хотели вторить метаморфозам того, что мы называем Историей, им было дико приспособляться к ней из текущих выгод. Кон выше истории, как Культура выше Цивилизации. Приходили новые племена со свежей силой, и они, беззащитные, размывались и погибали в новом окружении, отдавая кровь пришельцам и земле» [3, с. 365].

Племена приходят и уходят, а «земля пребывает вовек». И символом вечной Жизни становится у Костина степная трава ирбен: «Вернулось время запахов. Это была ярмарка запахов, и надо всеми царствовал дух ирбена, он же богородская травка, он же евшан, чей запах возвращал людей из безнадежно — чужих краев. О, ирбен, ирбен! Ты переживешь нас всех, ты само время в этой степи» - восклицает рассказчик [3, с. 370].

Таким образом, историческое время СОВРЕМЕННОСТИ поверяется у Костина БОЛЬШИМ ВРЕМЕНЕМ, в котором только могилы ушедших людей напомнят грядущим поколениям о смерти всего сущего. А, следовательно, о смысле жизни, о личной экзистенции. «Ибо в наше разреженное время весь в пробоинах на душе, ценой юности и зрелости приползаешь, ободранный, к истине самостояния, к величию стоицизма» [3, с. 365].

1. Костин В.М. За что уважать провинциального писателя? // Панин И.В. 101 разговор с Игорем Паниным. М.: У Никитских ворот, 2016. С. 165-168.
2. Костин В.М. Небо голубое, сложенное вдвое. Томск: Пресс-Интеграл, 1997. С. 49.
3. Костин В.М. Годовые кольца: повести и рассказы. Томск: Красное Знамя, 2008. С. 288.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2007. С. 73-74.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит.-ра, 1975. С. 235.
6. Керимов Т.Х. Поэтика времени. М.: Академический проект, 2005. С. 20.
7. Плеханова И.И. Константы переходного времени. Литературный процесс рубежа XX—XXI веков. Иркутск: ИГУ, 2010. С. 413.
8. Кульгавчук М.В. Герои времени. Владимир Костин // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 173-183.
9. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 277.

References

1. Kostin V.M. Za chto uvazhat' provintsial'nogo pisatelya? [Why respect a provincial writer?]. Panin I.V. 101 razgovor s Igorem Paninym. Moscow, 2016, pp. 165-168.
2. Kostin V.M. Nebo goluboe, slozhennoe vdvoe [The sky blue, folded twice]. Tomsk, 1997, p. 49.
3. Kostin V.M. Godovye kol'tsa: povesti i rasskazy [Growth rings: stories and tales]. Tomsk, 2008, p. 288.
4. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow, 2007, pp. 73-74.
5. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Moscow, 1975, p. 235.
6. Kerimov T.Kh. Poetika vremeni [Poetics of time.]. Moscow, 2005, p. 20.
7. Plekhanova I.I. Konstanty perekhodnogo vremeni. Literaturnyy protsess rubezha XX—XXI vekov [Constants of transitional time. Literary Process at the turn of the 20th — 21st c.]. Irkutsk, 2010, p. 413.
8. Kul'gavchuk M.V. Geroi vremeni. Vladimir Kostin [Heroes of our time. Vladimir Kostin]. Voprosy literatury, 2011, no. 2, pp. 173-183.
9. Mamardashvili M. Ocherk sovremennoy evropeyskoy filosofii [On Modern European Philosophy]. St. Petersburg, 2012, p. 277.

Sobennikov A.S. Time in the cycle of stories by V.M.Kostin “Growth rings”. The paper examines the forms of artistic time in the work “Growth Rings” by Siberian writer Vladimir Kostin. A person's biography becomes an artistic device and philosophical — a person in the flow of time. In the artistic world, the main topos is a Siberian provincial city, the main chronotope is the chronotope of the meeting. The city, Siberian realities, details of everyday life are given in the aspect of everyday and existential time, with the main focus on historical time. The writer is interested in the ability or inability of a person to resist his time; he defends the idea of self-permanence of man and the greatness of stoicism.

Keywords: time forms, historical time, modernity, personality, self-determination.

Сведения об авторе. Анатолий Самуилович Собенников — д. филол. н., профессор каф. русского языка, Военный Институт железнодорожных войск и военных сообщений; ORCID: 0000-0002-8202-4043; assoben52@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Собенников А.С. Время в цикле повестей В.М.Костина «Годовые кольца» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 62-65. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).57-60

For citation: Sobennikov A.S. Time in the cycle of stories by V.M.Kostin “Growth rings”. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 1(34), pp. 62-65. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).57-60